Российский Вертер

Автор: Сушков Михаил Васильевич

М. В. Сушков

Российский Вертер

Полусправедливая повесть

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

OCR Бычков М. Н.

От издателя

При издании сих писем мое намерение состоит в том, чтоб представить глазам общества странного молодого человека, описывающего с непонятным для меня хладнокровием собственный свой характер, почти все обстоятельства своей жизни и наконец смерти! Всякий, читая строки сии, сочтет их вымыслом самого автора, но увы!.. уже более осьми лет он обратился в прах; окончив добровольно жизнь свою на 17 году от рождения, и точно таким же образом, как он описал конец мнимого Вертера.-- Многие знают его несчастную историю, но я не желаю напоминать имя его, боясь раскрыть тем раны его семейства.

От сочинителя

Я читал Российскую Памелу*, и мне представилась мысль Российского Вертера; а как с романов пошлин не платят, то я исполнил по ней без замедления. Вот сей Вертер который, без сомнения, ниже подлинника*; но ежели время трех дней, употребленное на их сочинение, может извинить недостатки оного, то читатель найдет его в том состоянии, в каком он вышел из моего пера, без малейших переправок -- и кто может положиться на вторые мысли в том, что в первом жару воображения написано худо?

Здесь представляется молодой человек пылкого сложения, чувствительного сердца и, может быть, весьма рано начавший питать свой разум философией, словом, такой, каков был ближе к моему нраву. Я следовал за ним постепенно в различные обстоятельства его жизни и заставлял его говорить то, что сказал бы всякий человек его свойств в подобном положении. Те, которые довольно счастливы, чтобы жить, не чувствуя бремени жизни, те, конечно, не развратятся его примером; а кто думает сходно с Вертером, того не переуверят все писания сорбоннских учителей*. Итак, господа нравоучители, не хмуртесь, а не читайте сей книги, и дело обойдется без спора. Многие охотники пространных повествований спросят, что за Вертер, который как будто свалился с неба, которого и самое имя неизвестно и который при том думает поселить участие?

Государи мои! Какая вам нужда знать его благородство и родословие, когда меж вас немногие только похвалятся дедовскими заслугами, а своими никто? Что же касается до имени, то в нем немного нужды там, где описывается человеческий нрав; но если вы непременно хотите на свой вкус книги, возьмите старинные французские повести, где найдете около пятидесяти действующих лиц с исправным описанием дней их

рождения и именин; возьмите еще те из российских сочинений, в которых нравы познаются только из имян: как здравосудовы, вертопраховы и пр. А я буду доволен, коль малое число читателей не почтут_ потерянную четверть часа, употребленную на прочтение сих писем; и еще более, коль два счастливые сердца среди взаимного веселия вздохнут над участью Вертера и Марии.

Приписание

Госпоже...

Мне сердце, мысли все безделки сей внуша,
Сказало, что тебе одной я должен ею:
Итак, пускай твоя чувствительна душа
Мне будет судиею.
Я благосклонности надеяться не смею,
Но коль сильнейша страсть то может заслужить,
Скажу, что Вертера все чувства я имею,
Когда б хотела ты его Марией быть;
Но красотой ее умевши превзойти,
Ужели нежностью ты не сравнишься с нею?

Письмо I, от 6 июля

Любезный друг!

Наконец, мы притащились в деревню, и на другой день приказчик с старостою и со всеми крестьянами пришли нас поздравить. За ними следовала толпа молодых баб в праздничном платье, в золотых сороках и в щегольских сапогах. Позади их подвигались старухи, а отборные девки замыкали шествие. Ты не можешь вообразить их смешной важности, их грубого вида, который ваши нравоучители называют невинностию; словом сказать... я чувствую, что никогда не привыкну к деревенской жизни, где все должен снискивать в одном себе. Не подумай, чтобы я имел жестокие чувства; нет, моя чувствительность обнаруживается часто; но чтобы находить удовольствие, смотря на трудящегося пахаря, на пчелку, сосущую цветочек, это свойственно бредить одним стихотворцам, когда они в сильнейшем градусе своего исступления. Я сам также умел расхвалить то, что меня нимало не прельщало, и для того-то сомневаюсь в истине их восторгов.

Когда случалося в конце поставить речки,
Для рифмы, пить туда стекалися овечки,
И если заходил я в темные леса,
То скоро излетал на ясны небеса.

Прости, желаю, чтобы ты проводил время не скучнее меня.

Письмо II, июля 13

Приятный твой ответ, с приложением рассуждения на случай смерти... я получил. Ты удивляешься, что я описываю не с лучшей стороны мою жизнь и потом желаю тебе проводить время не скушнее меня. Но разве ты не знаешь, что я нигде не бываю отменно весел и ничем много не скучаю. Нет, друг мой, отчаяние несродно человеку семнадцати лет и который притом составил себе особливую систему мыслей. Когда я пишу, что никогда не привыкну к деревенской жизни, это не значит, что я не привыкну к уединению,-- я уже люблю вкушать удовольствия оного, и для меня приятнее быть одному, нежели с глупым товарищем, вчера приезжали к нам все соседи, но я познакомлю тебя с ними после, а теперь скажу свое мнение о присланном тобою сочинении. Я не нашел в нем ничего, кроме выписок из псалмов, которые помещены довольно некстати; да я б и не дивился, если б сие понравилось некоторым ханжам, некоторым старушкам, коим нужен пустой звук слов, хотя б он был без смысла; но ты пишешь, что целая столица читает бред сей и восхищается. Разве люди переродились по моем отъезде? Между прочим, велемудрый сочинитель признается, что бог, предвидя вред, могущий произойти от него обществу, наказал, или паче, наградил его несколькими ударами.-- Какой вздор! Какое противоречие! Конечно, последний удар поразил его в мозг.

Однако ж продолжай описывать мне ваши новости, а я уведомлю тебя, каков родился горох.

Письмо III, июля 17

Лучшая моя забава беседовать с дворянами нашего околотка. Сего дня мы были у них. Какие разные лица! Нет, никакой актер не может больше увеселить. Хозяин, который нас угощал, отставной капитан, и хотя служил только в обозе, но теперь завоевал весь уезд. Все прочие считают его высоким господином и не иначе говорят с ним, как с почтительным протяжением шеи и растопыря пять пальцев между толикого же числа камзольных петель. Супруга его могла бы быть приятной в обществе ежели б не родилась, не выросла и не жила с мужиками. Она слыхала, что наши госпожи боятся грому, гор, кошек, мышеи и пр., пр., чего исчислить недостало бы ни память, ни места,-- слыхала и вознамерилась того же бояться; но притворство так в ней приметно, так неприлично к ее поступкам, что она настоящая обезьяна, которая дразнит человека. Сего не довольно. Чтобы поддержать свою знатность, то со всеми она, обходится надменно, заставляет гостей дожидаться ее по нескольку часов, говорит с ужимками и не иначе приглашает их, как сказав на общее лицо*, что завтра будет дома. Когда мы к ним приехали, то муж и жена выскочили в сени, и сколько перед прочими горды, столько пред нами были низки. В будущем письме узнаешь последствие, а теперь скажу только, что я в существе вижу комедию Недоросля. Муж дурак, жена злая, сын крестьянский повеса, в другой семье настоящий Скотинин, и хотя нет здесь Софьи, однако, также по человеколюбию воспитывают простенькую сиротку, которой небольшой доход попечители еще уменьшают.

Прости, уже скоро полночь, и сон велит мне покинуть перо.

Письмо IV, июля 20

Когда поистине описания мои тебе нравятся, то вот продолжение прошедшего письма. Лишь мы вошли, тарелки загремели и казначей в изодранном кафтане начал обносить водку из домашнего вина, подслащенного медом. Обед был огромный, но я встал очень голоден; а как не щадили дешевых наливок, то скоро полились реки слов. Разговор, как можешь догадаться, начался о хозяйстве, и, слушая их поступки с крестьянами, я думал быть в обществе пьяных судей, которые откровенно сообщают друг другу вновь выдуманные средства разорять просителей. А разорять собственных своих мужиков не только бесчеловечно, но и безрассудно. Потом последовали рассуждения о политике. Один негодовал на войну, будто для пользы государственной, а в самом деле для того, что был должен поставить рекрута. Другой желал продолжения войны, будто для заключения впредь твердейшего мира, а в самом деле для того, чтобы распродать молодых ребят в рекруты дорогою ценою. Любители литературы, прочтя нечаянно Задига, хвалили его как святую

книгу для того,-- что ему является светлый дух: но когда я назвал Вольтера его сочинителем, то по многих крестах решились они наложить на себя покаяние.

Наконец некто, Престарелый ябедник, жаловался на суд который в десять лет не решит только двенадцати тяжеб, начатых им с родным дядею, с сестрою, с сыном и пр. Он пространно рассказывал все производство дел от начала, их до того дня, чертил на столе пальцем план своих земель и, по-видимому, старался вплести нас с собою в тяжбу. В заключение всего мы напились ячменного кофе с снятым молоком, ибо сливки берегли на масло; и как не было карт в целом селении, то все разбрелись по разным углам; а я, наскуча быть долго немым зрителем, поехал домой.

Письмо V, июля 24

Мой друг! Ты упрекаешь меня леностию, и я признаюсь, что моя муза задремала в сельской жизни. Еще раз скажу, что такая жизнь не соделана для меня: поля, леса, ручьи не оставляют во мне толь сладких впечатлений, каковые, по-видимому, испытал Геснер. Я охотно обегал все окружные места, но, увидя завтра то же и послезавтра то же, и те же виды, и те же лица, наконец всем наскучил. Человек с природы любит перемену. Однако ж, чтоб очиститься от твоих укоризн, то вот опыт моей деревенской свирели:

Вечерняя заря, явяся вдалеке,
Багряный свой покров простерла над лесами;
Прохладный ветерок, качая древесами,
Шумел с приятностью в пушистом тростнике.
Пастушка, утомясь от солнечного зноя,
Воссела, где ручей, подошву холма моя,
Излучинами тек, крутился и журчал;
Пастух, которого давно любовны, взгляды
Просили от нее взаимные награды,
Со стадом перед ней нечаянно предстал,
Под стражу верным псам отдав своих ягняток,
Он робко ей поднес им сорванных цветков,
Гвоздичек аленьких и синих васильков,
И как сказать люблю, не ведая ухваток,
Молчал, краснел, вздыхал и, начиная речь,
Старался в скорости слова сии пресечь.
Забавно было то и внятно для пастушки:
Ей сердце делало исправный перевод
Того, что думал он. Тогда, явясь, Эрот
Дал смелость пастуху, вмешался в их игрушки --
И скоро весь они забыли смертных род.

Вот, друг мой, происшествие, которому я был нечаянным свидетелем; но откинь только стихотворческие басни, узнаешь, что ввечеру, когда воздух был довольно сыр, идучи с ружьем, я увидел крестьянскую бабу в

лаптях, которая неосторожно резвилась с босым мальчишкою. Трава, смоченная уже холодною росою, заменяла им богатый диван -- и они казались довольными своею участью. Сколь охотно я отдал бы свое -просвещение, свое благородство, чтоб иметь грубые чувства сих людей и, питаясь своими трупами, не желать ничего.

Письмо VI, июля 27

Недавно читал я Флориана. Какой пречудный писатель! От заставляет забыться, водит мысленно по лугам и долинам, принуждает принять участие в радостях и огорчениях своих пастухов: я восхищаюсь, бегу в поля, в намерении вкусить описанные им приятности, и возвращаюсь недовольным собою. Пастухи наши не только вселить участия, но и сами ни веселия, ни печали не умеют почувствовать. Когда я бью свою собачку, она визжит и чрез минуту так весела, как была прежде; а я вывожу из того... как несносно видеть только таких людей! Иногда я смотрю на восходящее солнце: мало-помалу возношусь мыслями к создателю и уверяюсь, что он существует; иногда томный свет луны проникает в мое окошко, и я тогда углубляюсь в унылую задумчивость; но сердце мое никогда не перестает желать чего-то -- чего мне недостает. Прощай, пришли ко мне несколько книг.-- Мне уже и соседи мои не смешны, а становятся скучны.

Письмо VII, июля 31

От праздности я вздумал ловить перепелов и нередко почти до рассвета хожу по полям с дудочкою. Чувствую, что не охота заставляет меня бдеть, когда все покоится, но я сокращаю тем время, в которое сон отказывается меня посетить. Часто я отдыхаю на открытом воздухе; месяц опускает свои лучи на мои веки, слабо сомкнутые, и я тогда доволен, а мои мысли так бродят, так бродят, что не умею их изъяснить.

Ты не поверишь, что я начинаю смотреть с удовольствием и купно с завистию на двух птичек, которые перепархивают с ветви на ветвь ил нежно лобзаются. Сколь трудно человеку понять себя! А мы хотим еще угадывать желание другого:-- Недавно я встретился в лесу с одною девочкою из нашей деревни. Она брала ягоды и, увидя меня побежала. Я с тихостию говорил ей воротиться, и кузовок, в торопости ею оставленный, подействовал, может быть, больше, нежели мои слова. Она подошла взять его, озираясь; ее ребячий вид мне понравился, и мы скоро познакомились; но вот сколь велика человеческая слабость! Я забылся и в исступлении почитал себя счастливым. Мечта исчезла в одно мгновение, и я увидел в ней куклу, которая движется по заведенной пружине. "Ах! Для чего она не Галатея или Эстелла?" -- так помыслил я, вздохнув, и возвратился домой.

Письмо VIII, августа 3

Ты смеешься моим письмам -- смейся, мой друг; я сам часто себе смеюсь. Мне скучно, мне чего-то недостает, а это что-то я едва постигаю. Писать к тебе и получать от тебя письма, которые я по сто раз перечитываю, составляет часть моего упражнения. В те минуты я чувствую, что имею друга, чувствую, что сердце мое не совсем пусто, и тем услаждаюсь. Душа моя изливается на бумагу, и когда мы не можем быть вместе, то мне приятно беседовать с тобою письмами.-- Я не могу продолжать далее: к нам в деревню приехали гости издалека. Посмотрю их и тебя обо всем уведомлю.

Письмо IX, августа 24

Вот уже две почты я пропустил, и укоризны твои не сильны были заставить меня уделить несколько минут от тех приятных дней, которые я провожу. Теперь я совершенно счастлив. Отгадаешь ли чем? Ты скажешь,

что я люблю, и в том не ошибешься. Наконец, я избавился той несносной пустоты, которая меня терзала. Приезжие гости привезли с собою девицу: нет, богиню! И ежели б Венера когда-нибудь существовала, то бы позавидовала ее красоте. Представь себе русые волосы, распущенные локонами по лицу, белейшему снега; но нет, такое уподобление давно известно и, следовательно, ее недостойно. Глаза! Ах, для чего я не живописец! Сии прекрасные глаза так глубоко впечатлились в моем уме, что я бы срисовал их заочно. Одним словом, не нахожу выражений, способных изъяснить всех ее прелестей и всей моей любви. Вообрази себе особу совершеннейшую--это она; вообрази себе человека страстнейшего -- это я. Кажется, что судьба сотворила нас одного для другого. Ты знаешь, что всякая~ красавица может меня тронуть, но знаешь также, что я никогда не имел духа открыться, и сие чувство проходило вместе с предметом оного; а теперь я стал не я, и друг мой не узнал бы меня, когда б увидел. День я при ней, ночью выдумываю средства ей угождать и едва нашел время написать к тебе. Я сказал очень мало, хотя письмо довольно велико; но сей порок сроден любовникам. Бумага вся; итак, прости.

Письмо X, августа 17

Я болен, совершенно болен, и человек в горячке не имеет моего жара. Когда я с нею -- но что я говорю? Я всегда с нею и всегда не помню себя; одну ее вижу, одни ее слова внимаю, все чувства мои устремлены к ней. Ты знаешь, что я неохотно танцевал, ибо сие невинное увеселение превращено в виновное, а теперь я рад танцевать до упаду и не дивлюсь молодым людям, которые так страстны к танцам. Конечно, сердца их заняты; но нет, они любовь превращают в забаву, для них полюбить и оставить равно как поиграют в шашки и потом их отбросить -- а я один только люблю; для меня страсть моя есть должностию, утехою, законом, упражнением, словом, она мне все.-- Желаю тебе, мой друг, быть также веселу, как я, а ты пожелай продолжения моего благополучия.

Письмо XI, августа 21

Ты требуешь подробной повести нашего знакомства. Исполню твое желание. Вид ее, как я сказывал, скоро подействовал над моим сердцем, и мне казалось, что я ей не противен: назови сие действием самолюбия или чем хочешь, но я угадал. Сходные нравы, сходные души имеют тайное притяжение. Я старался быть ей угодным и в том много успел. Она принимала мои услуги с приятностию, отвечая на оныя взглядами, не теми взглядами, которыми ваши городские прелестницы ловят невинные сердца, а такими, которые можно только понять; а не описывать. Наконец, я нашел средство вручить ей письмо, так что нельзя было не принять оного, не подав подозрения окружающим. Просьбы мои о решении моей участи были долго напрасны, как некогда в уединенной комнате я застал ее, держащую с восхищением бумагу. Тайное предвестие меня влекло. Я бросаюсь стремительно, вырываю оную и познаю мой почерк. Тогда я покрываю ее тысячею поцелуев: не в силах сопротивляться и на мои восклицания: "Ты моя, ты моя" ответствует подобно: "Я твоя, вечно твоя!" Да, сердца прямо нежные не страшатся довериться друг другу: она отдалась мне, и я тем не воспользовался. С сего блаженного дня мы хотя редко бываем одни, но довольно часто, чтобы успеть осыпать друг друга взаимными ласками. Мария, так я буду называть ее, не из тех женщин, которые, оказав единожды слабость, стараются потом заглаживать ее неприступною строгостию. Она не стыдится тем, что меня любит; тщеславится сею любовию и готова всегда меня в том уверить.

Письмо XII, августа 24

Она уехала! Да, мой друг, Мария уехала, и я не мог с нею проститься, не мог облить слезами ее груди и, слыша тайный вздох, исшедший из глубины ее души, не мог принять сего вздоха моими устами. Я сам вижу, до какой слабости я достигнул; но не брани, а пожалей меня. Рано или поздно вся стоическая твердость исчезает в том, кто не камень носит вместо сердца, а сии прелести, конечно бы, и камень смягчили. К пущей

досаде, я должен скрывать рану, причиненную мне ее отъездом, и, верно бы, мне было легче, если бы мог, по крайности, плакать свободно. Слезы суть жизненным бальзамом в печали.-- Прости, я десять раз принимался писать сие письмо, и десять раз рыдания прерывали оное.

Письмо XIII, августа 28

Прошедшие и настоящие дни иногда кажутся мне сном, но несносная тоска скоро удостоверяет меня, что мучусь наяву. Ах! Когда я не знал Марию, то хотя был скучен, хотя был неспокоен, однако ж был счастливее. Но что я дерзнул сказать? Блажен тот, кто по ней страдает, кто имеет причину о ней крушиться! Целый век огорчения может ли заслужить одну минуту общества с нею? А я столько дней оным наслаждался и еще смею роптать! Конечно, лучше увидеть ее один раз и потом умереть, чем жить в веселии, не знав ее... Умереть! Но умереть гораздо легче, нежели не видать ее более. Мне все здесь напоминает мою Марию... Пойду ли к густым липам, верным защитникам от солнечных лучей,-- под ними она сидела. Прихожу ли в березову рощу,-- там, отстав от подруг, она подтверждала мне свою любовь нежными ласками. Вбегаю ли на высокий бугор,-- оттоле она смотрела на большую дорогу, и там проводя ее очами, я пролил по ней первые слезы. Схожу ли вниз к реке,-- тут она удила рыбу. Словом, всякое место доставляет мне горькое услаждение испускать вздохи.

Письмо XIV, сентября 1

Что ежели я увидел Марию затем, чтобы расстаться с нею навсегда? Эта мысль беспрестанно мне твердится: тщетно я от нее отдаляюсь; она гоняется за мною и сугубит мое несчастие. Скоро два месяца тому, как я живу в деревне, а теперь только узнал, что не деревня причиняла мне скуку. Сердце мое чувствовало необходимость иметь друга -- я его имел; иметь любовницу, которая бы разделяла мои чувства: с нею охотно прожил бы не только здесь, но в пустыне, в степи; а без того ни город, ниже престол не составит совершенного благополучия. Когда все твари испытают сладости взаимной любови: когда лев оставляет свою лютость в присутствии львицы, то ужли один человек не может спокойно вкушать сего жребия?

Письмо XV, сентября 5

Я получил от нее письмо -- и какое же письмо! Какие выражения! Надобно иметь ее нежность, чтобы так написать, но потребны и мои чувства, чтобы так познавать цену сего письма.

Ах! Для чего я не могу, составить ее счастия или получить оное с ее рукою? В первый раз я пожелал иметь богатство, и мрачные мысли отравили всю радость, причиненную мне ее строками. Сколь ужасен с нею брак, когда я воображаю его последствия! Терпеть недостатки и ввергнуть в ту же пропасть обожаемую особу, которая без меня может иметь завиднейшую участь. Но пусть бы было так; пускай любовь подкрепляла бы нас в бедности и утешала своими благами; произвести детей на то, чтобы вкусить несносную отраву нищеты и презрения, дать жизнь несчастную невинным тварям! -- Вся кровь волнуется при сем помышлении. Иногда я воображаю, что будем их воспитывать свойственно своему состоянию, образу мыслей; но кто может мне ответствовать, чтобы мой сын в самом жару молодости не забыл наших советов? Он может влюбиться, как я, и быть столько ж несчастен. Так, мой друг, я презираю богатство, но признаю оное нужным в сем веке, исполненном предрассудков. Не извиняю тех любовников, которые в безрассудной страсти не думают о будущем; и хотя мучу себя, но не могу ослепиться, не могу скрыть того, что она ввек не будет моею. Токи слез заливают слова, едва чертимые дрожащею рукою.

Письмо XVI, сентября 8

Наконец я прощаюсь с здешнею жизнию и еду к полку. Испытаю, перемена места не переменит ли моей скуки, но, как бы то ни было; намерение мое принято. Я не буду питать своей любви лестными мечтаниями и, если можно, потщуся оную истребить. Дай боже, чтоб и Мария меня позабыла,-- да, позабыла, и хоть несносно, но я превозмог себя,-- превозмог и не ответствовал на ее письмо,-- превозмогу более, и ты впоследнее слышишь от меня ее имя. В молчании и без надежды я буду ее обожать; но давно ли хотел истребить страсть! Нет, это невозможно. Ах! Если б она не любила взаимно, я бы не столь глубоко вкоренил сей яд в мое сердце. Еще раз, в последний, пишу об ней. Мария, дражайшая Мария! Отдаленную от глаз моих, мой ум желает отдалить имя твое от уст, от сердца; но это будет напрасно. Мой друг, я вне себя.

Письмо XVII, сентября 22

Любезный друг! Я пишу к тебе из лагеря, куда прибыл уже с неделю. Новость места, отправление должности и многолюдство -- все сие разбивает мои мысли: я не имею времени задуматься и кажусь сам себе спокойным. Но когда остаюся один, то вся жестокость моего состояния представляется мне живейшими красками. Мой отчаянный нрав полюбился полковнику, который принимает меня милостиво. "Милостиво! -- воскликнешь ты,-- когда человек говорит ласково с подобною себе тварью, то это называется, с одной стороны, честию, а с другой -- милостию!" Да, мой друг, я делал сии рассуждения, но света не переменишь, и должно уметь выть, живучи с волками. Часто мне приходит в голову, что мне жизни беречь нет нужды, а такие солдаты полезнее государю и отечеству; тогда я воображаю: если бы все войска набирались из несчастных любовников, и в ту же минуту смеюсь своей выдумке.

Я ожидаю скоро повышения чина и любопытен знать, честолюбие не заглушит ли вопля сердца: не думаю, однако ж испытаю, испытаю все пути к счастию, и ежели оного не достигну, ежели ничто не усладит моей судьбы, то прибегну к последнему средству.

Письмо XVIII, сентября 29

Я начал играть в карты и играю счастливо. Конечно, это худое упражнение, но что делать? Оно меня занимает, оно доставляет мне способ содержать себя. Нет нужды тебя уверять, что я не пристрастен к деньгам, однако же ты знаешь, что, презирая пышность и прихоти, необходимо, почти надобно оным следовать. Богач изобретает способы хвастать своим богатством, а честный человек умеренного состояния должен разоряться и ему подражать. Иногда я проигрываю целые ночи и во все то время забываю огорчительные мечты; наконец, побораемый сном, ложусь в постель, и скоро ослабшее естество опять успокаивается. Вот главнейшая причина сей новой страсти. Я начал бы и пить, если бы тем не был гнусен самому себе.

Письмо XIX, октября 5

Вот новое безумие! Мне иногда встречается мысль, что я могу составить свое счастие игрою, и я сие называю счастием! Быть счастливу разорением другого? Да, конечно, сударь, счастливу, когда это одно средство соединиться с моею Мариею. Но я обещался не писать об ней. Мой ум занимает меня пустыми мечтами, а я от исполнения столь же далек, как был прежде. Немалое мне огорчение и то, что по дальности места реже могу писать к тебе и получать ответы.

P. S. Теперь только имею ведомость, что полку нашему назначены квартеры в ... и я опять буду к тебе гораздо ближе. Ах! Если б ты утешил меня своим приездом! Но я знаю твой обязанности и не хочу тебя принуждать.

Письмо XX, октября 22

Мы пришли в ... но если с переменою места продолжится ко мне перемена милости госпожи фортуны, то я не останусь в барышах. Я уже проиграл все свои деньги и после вещей принужден буду занимать.

Вижу, что ежели несчастие не перестанет меня гнать, то впадаю в пропасть; но что делать? Нужд много, помочь нечем, и, написав к родителям, которые также от долгов принуждены живые погребстись в деревне, только их оскорблю. Однако ж я не теряю надежды, будущее мне не ужасно; я имею еще здоровую голову, руки -- начто отчаиваться? Когда воображаю, что должен столько трудиться для поддержания жизни, и притом несносной, то собираю тысячи различных мнений, кровь кипит, и я покушаюсь зарядить пистолеты, но скоро оставляю сие намерение, говоря спокойным духом: еще рано. Не знаю, тайная ли то привязанность к жизни и остаток надежды или я не выполнил потребного числа бед, чтобы мрачные мысли, от них рождающиеся, во мне созрели.

Письмо XXI, октября 25

Мог ли ты ожидать сего известия? Я был обижен и дрался. Конечно, мне надлежало презреть обидчика и пойти прочь; но что сказали бы о таковом поступке? И, оставляя сие, человек пылкого сложения всегда ли властен удержать стремление крови? Как бы то ни было, как я ничего не терял, то при всей горячности был рассудительнее своего соперника, который не хотел лишиться мнимых благ жизни. Он пал от моей шпаги, и вот правосудие человеческое! Если б я не принял вызова, то почелся бы подлецом, а теперь подвергаюсь наказанию суда. Однако ж, рассмотря обстоятельства дела, верь, что твой друг не дождется бесчестия, но успеет его предупредить.

Письмо XXII, ноября 1

Все переделалось, мой друг, и твои душеспасительные доказательства остались втуне. Однако ж я написал бы к тебе опровержение оных, если б не был уверен, что ты, будучи со мною одного мнения, хотел оными отвратить мое намерение, или лучше, подозревая во мне остаток слабости, хотел чрез то извинить оную в моих очах. Как! Чтобы я не был властен откинуть такой подарок, который тяготит меня. Нет, ты не можешь так мыслить. Но, оставя сие, скажу, что полковник поддержал и защитил меня, и конец тот, что я, оставляя службу, беру чин, хотя оного нимало не достоин. Прежде нежели могу тебя посетить, я должен ехать в город... куда ты можешь ко мне писать. Я уже теперь заслуженный человек, который взял отставку, чтоб успокоиться от трудов и быть свободным.-- Не забавно ли это?

Письмо XXIII, ноября 9

Кто бы это подумал? Приехав в ..., я нашел там -- узнай кого? Марию с мужем... однако ж не пугайся, мой друг: я с некоторого времени совершенно не тот, каков был прежде. Такая нечаянность долженствовала меня умертвить, а я принял ее довольно спокойно; я имел силу познакомиться с моим счастливым совместником. Он человек предобрый, богат и в таких летах, что Мария не могла в него влюбиться. Малодушный! Я еще утешаюсь и сим мнением. Она поступила по должности, по добродетели: повиновалась родителям; и, может быть,-- огорчилась, не получа от меня ответа на свое письмо. Ну, ежели сия причина? Так что ж? Какова б ни была причина, она произвела одно действие. Только три месяца прошло от нашего, первого свидания, и в сии три месяца как мы оба переменились!.. Я, я не говорю уже о себе; но она так увяла, так лишена своей живости, что если я люблю ее, то люблю уже не для красоты, которая прежде не

имела подобной.

Письмо XXIV, ноября 12

Так, любезный друг, она никогда не преставала меня любить. Я это вижу, я это чувствую, взоры ее и движения мне то доказывают сквозь принужденную холодность. Мне случалось быть с нею наедине: мы вздыхаем, краснеем и не умеем начать речи, доколе кто-нибудь своим приходом не прервет сей безмолвной сладкой беседы. Ее муж не знав прежней нашей связи, старается привести нас к короткому знакомству; о если б он проникнул! С какою б ревностию старался меня удалить! Я безнадежен, однако ж не могу провести дня, не посети "Ее: мне приятно смотреть на сии глаза, которые теперь не смеют ко мне обратиться; на сию грудь, которая не смеет вздохнуть по мне; на сии уста, которые прежде меня целовали, а ныне страшатся говорить со мною; мне приятно внимать ее словам; мне приятен воздух, которым она питается, и в сию самую минуту, оконча к тебе письмо, полечу к Марии которую не могу уже называть моею.

Письмо XXV, ноября 16

Неожидаемое блаженство! благоприятный случай! Я получил от Марии вторичное признание; я опять слышал сие люблю, которое разлилось в мои жилы и всего меня оживотворило; я иссушил пламенными поцелуями слезы, невольно покатившиеся по ее щекам. Не напоминай мне обязанностей брака, плодов пагубного предрассудка, не отравляй моей радости своими укорами, ужаснейшими для меня грома. "Люби меня,-- сказала она,-- но не употребляй во зло слабости!" Я дал ей обещание и запечатлел оное тысячею сладчайших лобзаний. Ах! Почто я не умер в то время, как уста наши пребывали склеенными и прерываемое дыхание я принимал в себя, как бы считая воздух оного недостойным. Такая смерть была б завидна человеческому роду; но нет -- с той секунды, как Мария отдалась моей страсти, жизнь моя стала мне драгоценною.

Письмо XXVI, ноября 19

Еще, еще я вкушаю те сладости, которых считал себя навеки лишенным. Расстройка моих обстоятельств, оставление службы -- все сие послужило мне к лучшему, когда сему одолжен я свиданием с Мариею. Что нужды, хоть рука ее не моя, если ее сердце, если ее душа, если вся она принадлежит мне. В присутствии моем поблекший в ней румянец оживляется и затмившиеся очи кидают прежние искры; но при всем том не знаю, чему приписать сокровенную томность, часто в ней примечаемую, несмотря на ее старания от меня оную скрыть. "Несчастный! Когда ты не находишь себя в своих восхищениях, то сообщаешь печаль обожаемой женщине, сообщаешь и страшишься оную исследовать!" -- сей глас против воли моей меня тревожит, но я бегу к Марии и при ней забываю все беспокойства, весь свет, даже и тебя, мой друг, но верь, что по Марии ты был и будешь первым в моем сердце.

Письмо XXVII, ноября 23

Жестокий друг! Почто превращаешь ты в ад жизнь, которую я считаю райскою? Но нет, несправедливо ропщу, и, поражая меня, ты исполняешь долг чести, долг дружбы, долг человечества; однако ж угнетенного скорбию и во время короткого сна забывающего свои беды,-- почто ускорять его пробуждением? Осталось бы довольно времени... Мысли мои расстроены -- я не знаю, что говорю; но уверен, что ты извинишь, что ты презришь негодование человека в горячке. Да, продолжай подкреплять меня своими советами; против воли моей продолжай вооружать меня против моего сердца и, если можно, помоги мне побороть себя. О, если б я

был некогда в числе тех бесчувственных, которые никогда не испытывали сожаления к ближнему! -- Я их уподобляю скотам, от коих они отличаются только наружными чертами, а несмотря на то, завидую их участи.

Письмо XXVIII, ноября 26

Окончив последнее письмо, я был долгое время в такой унылой задумчивости, что не слышал, не видел, не мыслил ничего, и сие томное спокойствие отличалось от бездействия смерти тем только, что горячие слезы катились по моим щекам. Я их не чувствовал, совершенно не чувствовал моего бытия, но они принесли облегчение душе моей. Я вышел из своего уныния, как из глубокого сна: то, что я прежде думал, то, что писал к тебе, казалось мне мечтою. Я вопросил себя о причине моего огорчения и с восхищением ответствовал: это Мария! При сей мысли весь мрак, окружавший меня, рассеялся; глаза мои наполнились огня; я стер слезы с письма, которое лежало предо мною, омоченное оными, и, отослав его на почту, пошел к Марии. Взгляд ее довершил вливать упоение в мою душу, и я не верил сам, что за минуту почитал себя несчастнейшим из смертных. Она была одна и не приметила во мне беспорядка. Я сел возле нее и, взяв по обыкновению ее руку, прижал с горячностию к моим устам. Мы смотрели долгое время в молчании друг на друга, как наши лица нечаянно склонились и мои губы крепко соединились с ее губами. Нет, не могу живо изобразить сего положения. Она оперлась с нежностию на мое плечо, а я краснел, сгорал, истаевал от страсти, но, сохраняя ее спокойствие, не предпринимал далее. Вот как проводим мы в такой любви, которая не много отлична от дружества. Не много отлична! И я столько слеп, чтоб не видать, как мое сердце изобретает хитрости для уловления рассудка! Еще, прошу тебя, продолжай сообщать мне свои советы: хотя я знаю сам все то, что ты мне можешь сказать, но оно будет сильнее, исходя от тебя.-- Друг мой, ты видишь, до какого состояния я достигнул.

Письмо XXIX, ноября 30

Мое обхождение с Мариею становится ежечасно опаснее, и еще вчера, когда наши души хотели излететь чрез уста, мы услышали шорох в ближней комнате: едва успев отскочить от ее кресел, я принужден был скоро уйти для сокрытия моего смятения -- так, я уже теперь бегаю посторонних глаз; а ежели б меж нами было одно дружество, долженствовал ли бы я бегать? Ты не уверишь меня, чтобы природа запрещала любить женщину, которую предрассудок назначил невольницею другому,-- это, конечно, действие предрассудка; но со всем тем, когда он владычествует людям, то я должен сохранять наружно его уставы; не для себя: ибо тот же предрассудок поставил бы в честь моего проворства такое дело, которое нанесет бесчестие Марии,-- но для ней, для ней, а она мне дороже самого себя.

Письмо XXX, декабря 3

Свершилась, мой друг, свершилось мое несчастие, и муж Марии начал подозревать наше согласие. Вот величайший удар, каковой мог со мною случиться! Страшусь еще о том помыслить и желал бы усумниться в сей бедственной истине, но она слишком очевидна. Он обходится со мной очень сухо; даже говорил ей с насильною холодностию, чтобы не принимала моих посещений в его отсутствии; ибо, хоть он не сомневается в нашей невинности, но свет так ныне зол, так клеветлив,-- и потом оставил ее, не дождавшись ответа. Я пришел к ней через несколько минут, и как двери мне были везде отворены, то нашел ее в спальне, проливающую слезы. Бросясь ко мне на шею, она повторила слова своего мужа и заклинала меня видеться с нею реже. Чего ж потом надеяться? Разве сделать ее больше несчастной, а себя больше виновным, прервал согласие двух супругов?

Письмо XXXI, декабря 7

Когда я рассуждаю о свете, что нахожу в нем два рода людей: обманщиков и обманутых; а если есть некоторые ни того ни другого числа, то их так мало, так мало, что они могут назваться выродками. Снедаемому скукою и почти в безумии, мне вздумалось прибегнуть к лекарству богословов и испытать, не найду ли услаждения в чтении святых книг: но что ж? Если полагать утешением несчастному видеть еще себя несчастнее, то я сие нашел. Разумные законники приписали начало бед и зла началу веков. С первых часов мира мы зрим картину ослушания в Адаме, картину обольщения в демоне, картину ветрености в Еве, которую она сообщила всем своим дочерям. Злой Каин торжествует над благочестивым Авелем, и напоследок, всемогущий творец не может найти другого средства к искоренению зла, как наказать свое создание всеобщим потопом. Он сохраняет семя людей в сынах Ноевых; но только что опасность миновалась, то из толь малого числа зло успело найти место в душе Хама. Ах, друг мой! Когда извлекая сокрытое под сим нравоучением, сравнивая сии дела с нынешними делами, то уподобляю честного человека Ноевой голубице. Пускай враны питаются мертвыми трупами, а смиренная голубица, искав тщетно убежища в целом мире, должна возвратиться в ковчег, из коего вышла. Помедлю еще и скоро докажу собою, сколь много я презираю приятности нашей жизни.

Письмо XXXII, декабря 10

Вот уже исполнилась неделя моему последнему свиданию с Мариею: так протекут еще недели, месяцы и целые годы, а я не буду сидеть с нею, не буду предупреждать ее малейших желаний, не буду -- нет этого уж много. Однако ж еще превозмогу себя и дам время созреть моему намерению,-- да, намерению навеки с нею расстаться. Уединение мне приятно, приятнее всех забав сего света: я углубляюсь мало-помалу в моих мечтаниях и напоследок остаюсь по нескольку часов в таком забвении, что мое горестное существо не тяготит меня. Когда я случаюсь в обществе, то в мыслях теряюсь. Моя природная острота не может уж веселить беседу, и сколько мне все несносны, столько и я всем скучен. Одно уединение; это рождает во мне мысли, что от меня зависит навеки предаться сему бесчувствию. Но не пугайся, мой друг, пустых звуков отчаяния, я еще от сего далек.

Письмо XXXIII, декабря 14

Нравоучительное твое письмо я получил и не думал, чтоб ты мог так хорошо употреблять проповеднический слог, сбирать тысячу ложных доводов и заключить опровержением того, в чем ты сам твердо уверен. Между прочими софизмами ты говоришь, что больше твердости сносить бремя жизни, нежели иное свергнуть. Возьми только в пример тысячу нищих, не имеющих надежного пропитания. Возьми тысячу злодеев, которые несут достойную казнь, быв лишены чести, свободы и всех удовольствий,-- они ропщут и живут, и ты неужли найдешь в них больше твердости, нежели в Катоне, который добровольно прешел к неизвестной вечности. Ты мне советуешь заниматься письмом и книгами. Итак, сообщаю к тебе отрывок начатых мною сочинений; читай и зри мое повиновение:

Что в свете жизнь? Она претяжкое есть бремя.

Что сей прекрасный свет? Училище терпеть.

Что каждый миг есть? Зло и будущих зол семя

Зачем родимся мы? Поплакав, умереть.

Что злато, почести? Младенчески игрушки,

Которыми всегда играет смертных род.

Счастлив, кто в жизнь свою не покидал гремушки,

Взглянул и зрит себя могилы у ворот;
Но пусть бы оными играли мы без спора,
Насильством не чиня один другому слез,
Напротив, кто достал побольше сего сора,
Тот всех пятой гнетет, главу свою вознес.
Почто же цепь ее с спокойным оком вижу?
Сегодня ль, завтра ли она должна упасть,
Итак, коль я себе свободы час приближу,
Могу ли новую тем заслужить напасть?
Не оскорблю тебя сей мыслию, владыко!
Незлобив ты, и я отца в тебе найду;
А хоть навек умру, то бедство невелико,
К тебе или к земле с отвагою иду.

Письмо XXXIV, декабря 17

Приспел последний час моей жизни. Я увидел еще раз Марию и совершенно успокоился. "Прости,-- сказал я ей,-- мы долго не увидимся, но в благополучнейшие дни опять соединимся, так я почти в том не сомневаюсь". Она рыдала и заклинала меня еще помедлить отъездом, считая, что от грусти я решился, переодолев себя, ехать в деревню к моему отцу, а я совершенно окамешж глаза мои были сухи; но, возвратясь к себе, слезы полились ручьями по моим щекам. Это была последняя дань слабости. Признаюсь, что я был безрассуден, хотев найти счастие в сердечных чувствах; а если б следовал примеру тех людей, которые довольны всякою участью... Но в моей ли воле было им следовать? Я мог хвалиться спокойствием души, как и они, мог в том уверить других, а обмануть себя -- это невозможно. Иногда покушаюсь я верить предопределению вместе с законом, но вспомня, что в моей воле разрушить теперь мой состав или жить долее, смеюсь себе, Зенону и тем, которые ему следуют. В самом деле, когда б предопределение располагало делами людей, то всякий злодей, исполняя устав своего рока, не заслуживал бы наказание ни в седьмом веке, ни в будущем. Я никогда не забуду слова сего философа, которого покравший раб извинялся тем, что рок судил ему быть вором; хорошо, сказал он, но тот же рок судил тебе и быть сеченым. Ты видишь, мой друг, что я теперь не в отчаянии и доколе мог сам подозревать, что оно мною управляло, то удерживался от своего предприятия, а теперь, хладнокровно свеся добро и зло сей жизни, рассудил, что мне не можно более ожидать благополучия в оной, и решился перестать жить. Когда ты будешь читать сие письмо, то камень покроет бесчувственное тело твоего друга. Итак не спеши ко мне в надежде спасти меня. Прости, живи и будь благополучен! Утешай, сколько можно, Марию она уже тебя знает из моих разговоров. Она готова найти в тебе приятеля, и ваша обеих ко мне привязанность расположит почитать взаимно друг друга. Но именем нашей дружбы прошу тебя, поезжай сам к моим родителям, уведоми их осторожно о моей смерти и в нужде замени им сына.

Письмо XXXV, в ночи на 18 декабря

Любезный друг! В последний раз хочу беседовать с тобою, и когда все мои мысли долженствовали бы обратиться к вечности, то ты один с Мариею наполняете мое сердце и вас одних жалею я оставить, а без любви, без дружества все нити, привязывающие меня к жизни, давно бы уже были прерваны или я бы жил, но жил, подобно скотам. Я уверен, что ты приедешь плакать над моим гробом; плачь, мой друг, твои слезы мне драгоценны. Они облегчат стесненное скорбию твое сердце, и, коснувшись моим костям, еще -- еще, я думаю, приведут их в движение -- застылая кровь воскипит еще раз в ослабших жилах, и дух мой с горней

высоты возрадуется доказательству бескорыстного дружества. Однако ж не огорчайся много моею участию, но ты рассудителен, и слова сии будут излишни; а ежели когда-нибудь ты случишься в подобном положении, то последуй за мною. Вот лучший совет, который могу дать тебе с краю могилы, куда спешу низринуться. "Какое преступление! -- вскричат наши мудрецы,-- отнять от общества гражданина!" -- "Но государи мои! Ежели сей гражданин умножал только число несчастных тварей, не быв ни к чему полезен, то в сию минуту природа произрождает на его место многие тысячи людей, и я теперь оказываю не меньше важную услугу человеческому роду, возвращая земле принадлежащую ей горсть праха". Вот, друг мой, что я имел тебе сказать, но чувствую, что каждое слово продолжает секундою время моей жизни, которая тогда только имеет свою цену, когда готовы с нею расстаться. Я хотел написать себе надгробие, но почел сие бесполезным. Денег после меня останется довольно на то, чтоб купить мне гроб; итак, я не имею неудовольствия быть одолженным человеками и после моей смерти, а если тело мое и будет кинуто на поругание, то для меня уже все равно. Час бьет, все вкруг меня покоится, один я нахожусь не в объятиях сна и готовлюсь предаться оному навеки. Прости меня, а я в мыслях тебя воображаю в тот самый миг, когда рука готовится затянуть петлю.

Сие письмо было надписано: "Для вручения ему после моей смерти". Оно лежало на столе запечатанное, а ним другое на имя мужа Марии, в котором он совершенно оправдывал ее невинность признаваясь, что любил ее страстно, но никогда не смел открыться. В письменном столике нашли отпускную слуге его, который долгое время при нем служил один.

За несколько недель он начал мало спать и чрез целые ночи ходил по комнате, читал, садился писать, потом ложился на постелю во всем платье, а на рассвете вставал и, напившись чаю, бегал по городу целое утро. К обеду он всегда возвращался домой и запирался один до восьми часов вечера, в которое время он обыкновенно ужинал; он ел тогда без выбора все то, что ему подавали, и часто выдумывал самую простую пищу. В первый день после его смерти слуга его, удивляясь тому, что он долго не выходил, прождал до 10 часов утра, а тогда выломал замок, призвав хозяйских людей; не нашед его в постели, думали, что он пишет в другой горнице, которая также была, заперта; они стучались, но, не слыша ответа, опять вышибли дверь и нашли его висящего в углу. Веревка была продернута в кольцо, которое за несколько дней он сам ввернул.

Свечка была погашена им в то самое время, когда пошел исполнить свое предприятие, и на окне лежала английская трагедия Катон*, разогнутая в сем месте:

Сомнениями объят, отвергнуть должно их,

(берет кинжал)

Живот и смерть моя теперь в руках моих.

Вот исцеление или отрава люта --

Из света изведет меня одна минута.

Катонов твердый дух весь должен страх презреть,

И равно для него заснуть иль умереть.

После него остались многие философские сочинения, которые никогда не были и не могли быть напечатаны. Оставшиеся деньги по приложенной к оным записке он велел раздать нищим, а попам -- ничего, и для того нищие со слезами провожали прах его до места, где он был положен, а попы предали проклятию его имя.

КОММЕНТАРИИ

В настоящем издании представлены русские сентиментальные повести, написанные в период между началом 70-х годов XVIII века и 1812 годом. Выбор повествовательного жанра объясняется тем, что именно в нем в наибольшей степени отразилась специфика русского сентиментализма как литературного

направления.

Материал сборника расположен в хронологической последовательности, что дает возможность проследить историю жанра от первых до последних его образцов. В комментариях представлены: биографические сведения об авторе, источник публикации произведения, примечания к тексту и три словаря -- именной, мифологических имен и названий и словарь устаревших слов. Издатели XVIII века не всегда называли авторов публикуемых ими произведений, отсюда несколько анонимных повестей и в данном сборнике.

Большая часть произведений печатается по первому и, как правило, единственному их изданию. Немногие отступления от этого принципа специально оговорены в примечаниях.

М. В. СУШКОВ

Михаил Васильевич Сушков родился в 1775 году. Его отец в царствование Павла I был симбирским губернатором; мать -- писательница и переводчица. В 1792 году в журнале "Дело от безделья" были напечатаны стихотворные произведения Сушкова (оды, шарады, логогрифы), а также переведенная с французского языка "Полная баснословная история" в трех частях, содержавшая в себе сведения по греческой мифологии. В этом же году Сушков (шестнадцати лет от роду) покончил жизнь самоубийством. В 1801 году вышло в свет лучшее произведение молодого автора -- повесть "Российский Вертер". В 1803 году его брат, Николай Васильевич Сушков, издал стихотворные произведения покойного -- "Память брату, или Собрание сочинений и переводов Михаилы Сушкова".

Российский Вертер -- повесть вышла отдельной книгой в 1801 году.

Я читал "Российскую Памелу"...-- имеется в виду роман П. Ю. Львова "Российская Памела" (1789).

...ниже подлинника...-- имеется в виду роман Гете "Страдания молодого Вертера" (1774).

...все писания сорбоннских учителей...-- то есть профессоров одного из старейших университетов Франции -- Сорбонны, основанного в 1253 году.

Стр. 206. ...сказав на общее лицо...-- то есть не обращаясь ни к кому в отдельности.

Стр. 222. ...английская трагедия Катон...-- трагедия английского просветителя Д. Аддисона "Катон" (1713).